

Проблемы и тенденции формирования диаспор в странах Северной Европы

Гюльнара Ильясбековна Гаджимурадова, МГИМО МИД России,
Институт Востоковедения РАН, Москва, Россия

Контактный адрес: g.gadzhimuradova@my.mgimo.ru

АННОТАЦИЯ

Миграция имеет особое значение для стран Северной Европы. Она неоднородна и проходила в разные временные периоды, по разным причинам. Вначале она имела характер трудовой миграции между странами Северной Европы: из менее развитых в начале XX в. Дании, Норвегии и Финляндии в Швецию. Далее в связи с экономическим ростом понадобилась рабочая сила, что побудило эти страны искать трудовых мигрантов за пределами региона. Таким образом, в странах Северной Европы стали постепенно формироваться этнические диаспоры. Наряду с трудовой миграцией, страны Северной Европы из гуманитарных соображений стали принимать беженцев из стран, охваченных войной. Вместе с тем прием мигрантов был связан и с демографическими проблемами северных стран. В связи с притоком иностранных мигрантов появились проблемы с их интеграцией. Эту и другие задачи были призваны решать адаптируемые миграционные политики – от более либеральной в Швеции до более прагматичной в Дании. Цель настоящего исследования – выявить структуры миграции и тенденции формирования диаспор в странах Северной Европы. В статье рассматриваются феномен диаспоры как таковой, политическое и культурное влияние диаспор на страны-доноры, общее и особенное миграционных политик государств Северной Европы, а также подходы к политике интеграции в Норвегии, Швеции и Финляндии, их плюсы и минусы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

диаспора, миграционная политика, денежные переводы, демография, трудовая миграция, иммиграция, интеграция

Термин «диаспора» этимологически восходит к греческому слову *"diaspeirein"*, означающему «рассеивать». Исторически оно относилось к «рассеиванию», или расселению, евреев после разрушения Первого Храма в 586 г. до н.э. Этот термин связывают с насильственным перемещением различных народов. Сегодня мы говорим об африканской, армянской, ирландской диаспорах, но именно на опыте еврейской диаспоры основана парадигма диаспоральных исследований¹.

Понятие диаспоры прошло путь трансформации от обозначения группы выходцев из какого-либо региона, часто объединенных территориальной и конфессиональной принадлежностью, до современного этнического понимания диаспоры, которое сегодня является самым распространенным.

В научных кругах понятию «диаспора» иногда приписывают разновекторную направленность, основанную на меняющейся идентичности². Исследователи говорят о том, что диаспора и подходы к данному феномену «эволюционируют с геометрической прогрессией»; это дает основания ставить вопрос о том, можно ли рассматривать диаспору как принципиально нового транснационального актора международных отношений³. «Диаспорой обычно называют как процесс рассеяния первоначально единого человеческого сообщества, так и совокупность возводящих себя к этому сообществу групп, проживающих вне изначального района обитания»⁴.

А. Портес и П. Фернандес-Келли⁵ утверждают, что диаспоры стимулируют транснационализм и представляют собой важнейший мост между страной проживания и страной происхождения. Таким образом⁶, диаспоры становятся ключевыми агентами глобализации, поскольку они транспортируют и популяризируют культуру, поддерживают устойчивую экономику, питают мультикультурализм и разнообразие, которые были чрезмерно теоретизированы в последние несколько десятилетий и находились в фокусе внимания социальных наук и политических дебатов.

В широком смысле под диаспорой можно понимать, во-первых, религиозно-этническую общность, находящуюся в иноэтнической среде; во-вторых, население какой-либо страны, которое принадлежит этнически и культурно к другому государству (например, азербайджанцы в Иране, или же лезгины и аварцы, проживающие на севере и северо-западе Азербайджана, но этнически и культурно близкие лезгинам и аварцам Дагестана).

Каковы же роль и место диаспор в странах пребывания, как они участвуют в процессах интеграции и жизни принимающего общества?

Следует отметить двоякую роль диаспор. Первая, по мнению белорусского исследователя Т.И. Шупенько, выражается в том, что страны с многочисленной диаспорой за рубежом все чаще пытаются решать свои внешнеполитические задачи при их активном участии. Другая тенденция заключается в том, что диаспоры активно используют свой лоббистский потенциал для реализации собственных

1 Kamboureli 2020.

2 Лошкарев 2017.

3 Борисова 2023.

4 Обидина 2012.

5 Portes, Fernández-Kelly 2015.

6 Hack-Polay et al. 2023.

интересов как в стране пребывания, так и на международной арене (получение дополнительных прав и возможностей для представителей диаспоры, особых гарантий для их эффективного развития и т.д.)¹. Научные исследования феномена «диаспора» приобретают новые оттенки и грани, связанные с политизацией этничности, ростом влияния диаспор на мировую политику, анализом факторов, способствующих сохранению идентичности в глобализирующемся мире².

В странах Северной Европы проживают многочисленные диаспоры из Азии, Африки, Европы, с Ближнего Востока. Норвегия, Швеция и Финляндия являются удачными примерами миграционной политики. В подходах каждого из этих государств к выстраиванию взаимодействия с диаспорами есть свои преимущества и недостатки. Миграционные политики Норвегии, Швеции и Финляндии включают в себя последовательную работу с диаспорами с целью их интеграции. На основании статистических данных миграционной службы стран Северной Европы дается обзор исторической и структурной динамики возникновения диаспор в странах Северной Европы. В статье применяется компаративный анализ интеграционных процессов и деятельности диаспор в странах Северной Европы; приводятся интервью, призванные выявить причины миграции, а также способность мигрантов адаптироваться к обществу страны пребывания и интегрироваться в него. На основании исследований ученых ряда стран Северной Европы раскрывается тема дискриминации мигрантов на рынке труда, проистекающей не столько из-за профессиональных компетенций, сколько из-за проблемы «свой – чужой».

Положение диаспор в странах Северной Европы и особенности их интеграции

С 1970-х гг. иммиграционная политика в Европе перешла от так называемого безграничного мультикультурализма – принципа навязывания иммигрантам как можно меньше ценностей и повседневных практик большинства – к современной парадигме национальной гражданской политики, в рамках которой иммигранты должны разделять гражданские и культурные ценности большинства населения³.

С точки зрения А. Бамбергера⁴, многие (национальные) государства начали осознавать «полезность» диаспор для поддержания своих внешних связей и повышения собственной глобальной конкурентоспособности. Полная ассимиляция перестала быть обязательным условием национальной идентичности; вместо этого поощрялся «мультикультурализм», подчеркивающий сосуществование и толерантность множества культурных традиций.

Формирование диаспор в Норвегии

Как и другие страны Северной Европы, Норвегия до Второй мировой войны была страной эмиграции. Однако во второй половине XX в. в связи с разработкой нефтяных и газовых месторождений назрела необходимость в специалистах и обслуживающем персонале. В Норвегию потянулись преимущественно

1 Шупенько 2023.

2 Слуцкая 2023.

3 Colomer 2024.

4 Bamberger et al. 2021.

неквалифицированные рабочие из стран с избыточным трудовым потенциалом (прежде всего мусульманских), представляющие в основном мужское население: из Турции, Пакистана и Марокко. Несколько позже Норвегия стала принимать из гуманных соображений беженцев из стран, где имели место военные действия или вооруженная смена режима и где находиться было небезопасно: из Сомали, Югославии, Афганистана и др.

Формирование миграционной политики государства прошло этапы от мультикультурализма до модели интеграции. С начала тысячелетия численность населения, родившегося за пределами страны, увеличилась почти в четыре раза, достигнув 931 тыс. человек в 2024 г. и составив почти 16,8% населения, при этом дети иммигрантов составляют еще 4%¹. По утверждению норвежского профессора Г. Брехманн², «иммиграция, будучи одним из ключевых факторов социальных изменений в Норвегии, вызвала новые сложности в обществе, которое ранее было довольно однородным с точки зрения ценностей, религиозной и этнической принадлежности, языка и образа жизни и которое твердо привержено равному распределению социальных и экономических благ и культурным нормам эгалитаризма».

Сегодня в Норвегии проживают диаспоры, условно говоря, «европейские», в основном из стран Восточной, Северной Европы и бывшего Советского Союза (поляки, литовцы, шведы, немцы, финны, армяне, чеченцы и др.), а также диаспоры из стран Ближнего Востока, Африки и Азии (сирийцы, сомалийцы, пакистанцы, вьетнамцы и т.д.). При этом если численность «европейских» диаспор сравнительно невелика, и они довольно хорошо интегрированы в норвежское общество, то выходцы из стран Ближнего Востока, Африки и Азии, численность которых в разы больше, довольно слабо интегрированы и предпочитают жить в созданных ими анклавах. По данным Статистического управления Норвегии, на 1 января 2025 г. в стране проживало 965 113 иммигрантов и 230 237 родившихся в Королевстве в семьях иммигрантов, что составляет 17,3% и 4,1% от общей численности населения³. Число выходцев из Африки и Азии равняется 110 488 и 282 408 человек, что соответствует 2% и 5% от общей численности населения.

Для страны, где проживает около 5,6 млн человек, это – внушительные цифры. С одной стороны, в Норвегии заинтересованы в скорейшей интеграции иммигрантов. С другой – считают необходимым возвращение на родину беженцев, которые могут не опасаться за свою жизнь. Понимание динамики сотрудничества государств-доноров и государств-реципиентов мигрантов в сфере репатриации требует изучения точек зрения обеих сторон.

Показателен пример Эфиопии, которая не заинтересована в возвращении своих соотечественников. Речь идет о нелегальных мигрантах и людях в статусе беженца, которые могут вернуться на родину. И это несмотря на то, что в 2012 и 2018 гг. между государствами были подписаны соответствующие соглашения, причем последнее дублировало соглашение между ЕС и Эфиопией, заключенное

1 Grete Brochmann, "Norway: Rising Immigration in a Welfare State," Migration Policy Institute, February 12, 2025, accessed June 9, 2025, <https://www.migrationpolicy.org/article/norway-immigration-welfare-state>.

2 Ibid.

3 "Immigrants and Norwegian-Born to Immigrant Parents," Statistics Norway, March 7, 2025, accessed June 7, 2025, <https://tinyurl.com/26jj7x9t>.

ранее в том же году. По мнению А. Кефале, Ж.-П. Брекке и Г. Брокманн, в вопросах миграции правительство Эфиопии в первую очередь учитывает такие негативные факторы, как бедность, конфликты и ухудшение состояния окружающей среды, а также такие преимущества, как денежные переводы. В свою очередь, государства – члены Европы, включая Норвегию, считают процесс возвращения мигрантов критически важным для целостности своих систем предоставления убежища, поскольку слабый контроль может привести к росту нелегальной миграции и подорвать стимулы к добровольному возвращению¹.

Интересен пример сомалийцев, которые, прожив какое-то время в Норвегии, решают вернуться на историческую родину. В своем исследовании А. Хандулле² рассматривает причины репатриации таких семей с детьми. Среди выявленных причин – стремление родителей избежать стигматизации, желание усилить эмоциональную привязанность своих детей к Сомали, приобщить их к сомалийской культуре и улучшить их языковые навыки. Здесь репатрианты больше не ощущают себя национальным меньшинством, возвращаются к уже забытой жизни, традициям, в том числе кулинарным. В Норвегии многие из них, даже имея достойное образование, ощущали свою «вторичность» на рынке труда и по отношению к коренным жителям страны.

Многие исследователи сходятся во мнении, что сомалийцы – мигранты в первом поколении могут быть более нацелены на возвращение, поскольку они испытывают чувство потери и беспокоятся, что их культурные ценности могут оказаться под угрозой в принимающей стране. Второму поколению мигрантов сложнее идентифицировать себя со страной своих родителей, потому что они считают своей принимающую страну³. При этом представители и первого, и второго поколения подчеркивают трудности в свете стигматизирующего опыта. В качестве одной из причин возвращения на историческую родину в большинстве диаспор отмечают проблемы с ювенальной юстицией Норвегии.

Вместе с тем вернувшиеся родители воспроизводят некоторые культурные установки Норвегии через изучение норвежского языка, просмотр норвежских кинофильмов, даже отмечают некоторые национальные праздники Норвегии. Таким образом, переехав на родину, они не рвут полностью связь с Норвегией, а воспроизводят маленькую Норвегию в Сомали так же, как пытались создать маленький Могадишо в Норвегии. Возможно, в надежде, что их повзрослевшие дети вновь эмигрируют и найдут себя именно в Норвегии, где уровень жизни и возможности получения хорошего образования и последующего трудоустройства намного выше, чем на родине.

Одной из многочисленных диаспор в Норвегии является польская диаспора, численность которой с 2004 г., после того как Польша стала членом ЕС, насчитывает более 100 тыс. человек. Все они въехали в страну в качестве трудовых мигрантов. На норвежском рынке труда поляки в основном востребованы в таких отраслях, как строительство, гостиничный бизнес, клининговые услуги, судостроение, сельское хозяйство и пищевая промышленность. Уровень заработной платы

1 Kefale et al. 2025.

2 Handulle 2022.

3 Abdile 2014.

в этих отраслях, как правило, более низкий¹. По утверждению Й.Х. Фриберга, «им [польским мигрантам – Г.Г.] платят на 30% меньше, чем норвежским рабочим, и работодатели крадут значительную часть их рабочего времени, заставляя работать сверхурочно бесплатно»².

По причине того, что они «другие», хотя и белые, польские иммигранты подвержены определенной дискриминации на рынке труда. Тем не менее, по мнению М. Андерссон и Дж. Рай³, они в значительной степени интегрированы в рынок труда и разделяют общую европейскую культурную традицию.

Наиболее компактной по условиям проживания и социальной поддержке является чеченская диаспора в Норвегии. Следует, однако, отметить ее неоднородность, связанную с такими особенностями, как время и причины переезда, возраст, социальные установки и идентичность. Численность чеченской диаспоры в Норвегии насчитывает около 15 тыс. человек. По мнению М. Сугаиповой и Ю. Вильхельмсен⁴, чеченская диаспора в Норвегии демонстрирует позитивное отношение к принимающей стране и неохотно возвращается на родину. Вместе с тем часть чеченцев, разочаровавшись в *Barnevernet* (Барневарн)⁵, готова переехать на родину, чтобы воспитывать детей в традициях и обычаях своего народа. Как утверждают исследователи, после почти 20 лет жизни в «стране всеобщего благоденствия» (*welfare state*), где господствует верховенство закона и обеспечиваются права и свободы человека, представители этой группы демонстрируют явные признаки адаптации и изменения своих правовых взглядов. Несмотря на некоторые негативные моменты, как утверждают М. Сугаипова и Ю. Вильхельмсен, норвежская система высоко оценивается чеченцами с точки зрения верховенства закона.

Вместе с тем, на фоне растущей исламофобии в большинстве европейских стран, среди чеченской диаспоры на передний план начинает выходить мусульманская идентичность, что может привести к отчуждению чеченцев от норвежского общества и в будущем стать проблемой для правительства. Как утверждают авторы⁶, поддержка демократии и норвежского законодательства в чеченской диаспоре превышает поддержку шариата.

Необходимо отметить, что чеченская диаспора в Норвегии не утратила своей идентичности, сохранила язык и старается следовать традициям, встраиваясь при этом в общую политическую и социально-экономическую систему страны. Как и большинство выходцев из стран бывшего Советского Союза, чеченцы довольно хорошо адаптируются в стране приема и интегрируются в ее общество.

Собеседница, 35 лет, чеченка. Родилась в Чечне, рано вышла замуж и во время второй чеченской кампании уехала с мужем в Норвегию. Муж смог наладить небольшой бизнес в сфере торговли, она за год выучила норвежский язык, впоследствии получила специальность медсестры и сейчас работает в больнице.

1 Andersson, Rye 2023.

2 Björn Lindahl, "Polish Immigrants in Norway – with Only One Foot in the Labour Market," Nordic Labour Journal, June 22, 2017, accessed June 10, 2025.

3 Andersson, Rye 2023.

4 Sugaipova, Wilhelmsen 2021.

5 *Barnevernet* (норв.) – норвежская государственная служба по защите прав и интересов детей. Занимается оказанием помощи и поддержки детям и подросткам.

6 Sugaipova, Wilhelmsen 2021.

Недавно перебрались в поселение недалеко от Осло. Родила четверых детей. Она и муж стараются воспитывать детей в традициях своего народа, хотя понимают, что в полной мере это не получится, т.к. дети учатся в школе и они все больше становятся частью норвежского общества. Носит хиджаб. Это не мешает ей работать и общаться с норвежцами. Посетовала, что раньше беспрепятственно проходила паспортный контроль со стороны норвежского государства при поездках в Россию, и вот уже несколько раз в последнее время возникали сложности при прохождении паспортного контроля, что вызвало негативные эмоции с ее стороны. Хочет ли вернуться на родину? «Да, но меня многое связывает с Норвегией: дом, дети, работа, материальное благополучие. Может быть позже, когда дети подрастут и изменится ситуация»¹.

Опыт диаспор в Швеции

Швеция, в отличие от Норвегии, имеет давнюю традицию приема иммигрантов. По данным Всемирного банка, численность населения страны по состоянию на 2024 г. равнялась 10 569 709 человек. Чистая миграция составила 50 115 человек, что говорит о положительном сальдо миграции². Швеция является одной из стран, где политика гражданской интеграции получила развитие лишь после миграционного кризиса 2015–2016 годов. В стране сложились сильные гуманитарные традиции. В 1960-х гг. Швеция ориентировалась на мультикультурную модель, однако позже заменила ее на модель универалистскую³. И.В. Гришин отмечает: «Притягательность Швеции для международных мигрантов во многом объясняется ее широко известным имиджем гостеприимного реципиента. Шведы выбрали этот путь осознанно и глубоко мотивированно, полагая, что их моральный долг как избавленной от войн с начала XIX в. (1814 г.) и социально преуспевающей нации – облегчить участь нуждающихся в защите и помощи, насколько это возможно»⁴. По мнению Н.С. Плевако, «Швеция, наиболее активная в вопросе приема иммигрантов, очень скоро превратилась из моноэтнического государства в страну с мультикультурным населением, более 15% жителей которой родились за пределами королевства»⁵.

Странами-донорами мигрантов для Швеции в основном являются страны мусульманского мира: Ирак, Сирия, Ливан, Иордания, Египет, Сомали. Одной из самых быстрорастущих диаспор в Швеции является сомалийская диаспора.

Вторая по численности в Европе сомалийская диаспора (68 290 родившихся за рубежом по состоянию на 2023 г. и порядка 60 тыс. родившихся в Швеции в семьях мигрантов) проживает в Швеции.⁶ Сомалийцы в Швеции – это шестая по численности иммигрантская группа в стране после сирийцев, финнов, иракцев, поляков и иранцев.

Причинами миграции из Сомали стали кровопролитный вооруженный конфликт 1991 г., климатические и экологические бедствия, связанные с засухой и наводнениями. Большинство климатических и политических беженцев осели

1 Полевые материалы автора (далее – ПМА). Осло. 2019 г.

2 "Sweden," World Bank, accessed June 10, 2025, <https://data.worldbank.org/country/sweden?view=chart>.

3 Бутенко 2023.

4 Гришин 2019.

5 Плевако 2015.

6 Statistiska centralbyrån (Statistics Sweden), accessed June 10, 2025, <https://www.scb.se/>.

в приграничных государствах, надеясь вернуться в страну при благоприятных условиях, а те, кто имел материальные возможности и тесные связи с европейскими диаспорами, отправились в Европу.

Росту численности сомалийцев способствуют также высокая рождаемость и молодой возрастной состав диаспоры, в котором половина – люди в возрасте от 15 до 34 лет. Кроме того, шведское законодательство обеспечивает право семей на воссоединение, в результате чего в страну устремляются многочисленные родственники беженцев – как реальные, так и мнимые¹. Множество сомалийцев в Швеции являются беженцами или просителями убежища. Их уровень образования недостаточен для шведского рынка труда, однако есть совсем небольшой процент сомалийцев, которые хорошо прижились в шведском обществе. Среди них – спортсмены – бегуны на длинные дистанции, модели, музыканты и даже политики. Можно назвать известного сомалийско-шведского футболиста Ф. Мохамеда, баскетболиста А. Османа, сомалийско-шведскую журналистку и актрису А. Абдуллахи, сомалийско-шведскую активистку за права женщин С. Исмаил и др.

Политика мультикультурализма, которую проводило шведское государство, не дала ожидаемых результатов. Сомалийцев, проживающих в стране не одно десятилетие, неприятие европейских ценностей отдалило от шведского общества. Этому способствовали дискриминация на рынке труда, исламофобия, незнание языка принимающей страны и некоторые законы, которые, как считают новые граждане, противоречат их традициям, например отношение к так называемому женскому вопросу, мусульманской религии. Мир, в котором существует равенство полов, женщина представлена в публичной сфере и имеет возможность занимать руководящие посты, им просто непонятен. Критическое отношение к западным реалиям особенно распространено среди мужчин².

Впрочем, по мнению С. Горохова, М. Агафошина и Р. Дмитриева³, сомалийская диаспора не составляет в стране монолитной этнической группы – она расколота примерно на сотню сомалийских общинных организаций, как правило основанных на клановой принадлежности. Прибывающие в страну сомалийцы фактически сразу оказываются под контролем своих клановых лидеров, селясь именно в тех районах, где проживают их соплеменники, что затрудняет интеграцию уроженцев Сомали в шведское общество.

Особенностью сомалийских диаспор является их желание воспроизвести маленький Сомали на новой родине, что еще больше маргинализирует сомалийских мигрантов. Это относится и к другим диаспорам из мусульманских стран: афганской, сирийской, иракской и др. Нежелание интегрироваться приводит к проблеме поиска своей идентичности, которая зачастую основывается на религиозной принадлежности. Причем поиск идентичности характерен не для первого поколения мигрантов и даже не для второго, если мы говорим об исторических рамках, а для третьего поколения молодых иммигрантов-мусульман. Обращение их к радикальному исламу вызывает опасения среди населения европейских стран.

1 Горохов et al. 2020.

2 Гаджимурадова 2016.

3 Горохов et al. 2020.

Особое внимание стоит уделить сирийской диаспоре в Швеции. По состоянию на 2024 г. в стране проживало 196 152 гражданина Сирии (из них 108 154 мужчин и 87 998 женщин)¹. Эта диаспора является второй по численности после иракской и имеет тенденцию к росту за счет притока беженцев и ищущих убежища на фоне военных действий в Сирии. Сирийская диаспора в Швеции имеет исторические корни, что является фактором притяжения для сирийских беженцев и мигрантов. Многие прибыли в страну в поисках работы и хорошо себя зарекомендовали на рынке труда Швеции. Сирийская диаспора, наряду с иракской и ливанской, относительно сильна экономически, а деловые связи сирийско-шведских бизнесменов, как правило, распространяются на несколько стран². Но смогут ли прибывающие мигранты стать такими же ценными специалистами, как их предшественники, учитывая, что в результате непрекращающихся военных действий и экономического спада система образования значительно ухудшилась? Многие сирийцы получают образование в США, Канаде и в странах Европы, а после остаются там работать. Поэтому говорить о сирийских беженцах как о потенциальных трудовых мигрантах, на наш взгляд, некорректно. По данным УВКБ³, в 2023 г. в страну прибыло 94 873 беженца и 856 ищущих убежища, в 2024 г. – 25 632 и 727 человек соответственно. Вследствие событий декабря 2024 г., связанных с падением правительства Б. Асада, можно предполагать дальнейшее увеличение потока беженцев, в том числе в Швецию.

Нет сомнений в том, что иммигрантское прошлое «шлейфом» тянется за «новыми» гражданами, которые прожили длительное время в стране или уже являются шведами в нескольких поколениях. Это наглядно проявляется в скрытой дискриминации на рынке труда, в быту и в повседневной жизни. Ощущение того, что ты «другой», отличный от «настоящих» шведов и по внешности, и по культуре, зачастую доступность общения и дружбы только с представителями своей общины не позволяют чувствовать себя «своим» среди «чужих»⁴. Миграция, как ожидается, будет расти из-за разрыва в доходах, демографического дисбаланса, изменения климата и конфликтов.

Как отмечалось выше, мигранты из стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза не представляют монолитных диаспор, хотя чувство принадлежности к своим соотечественникам вполне реально. Выходцы из этих стран, как правило, имеют образование и специальность, настроены на интеграцию в общество страны проживания, владеют одним или несколькими иностранными языками, что облегчает доступ к национальному рынку труда и делает их востребованными. При этом объединений, подобных диаспорам из мусульманских стран, они не образуют. Это, однако, не означает, что они не обладают основными признаками диаспоры, такими как проживание за пределами своей исторической родины, сохранение этнокультурной идентичности, а также особая связь с родиной.

1 "Population by Country of Birth, Age and Sex. Year 2000 – 2024," Statistikdatabasen, accessed June 10, 2025, <https://tinyurl.com/3aaw49kp>.

2 Сарабьев 2021.

3 "Refugee Data Finder," UNHCR, accessed June 10, 2025, <https://tinyurl.com/4kxthdj6>.

4 Гаджимурадова 2019.

Собеседник, 25 лет, азербайджанец. Родился и жил в Азербайджане, там же случайно познакомился с гражданкой Швеции, стали переписываться, встречаться, возникли чувства. Впоследствии поженились, он переехал в Швецию. Процесс адаптации благодаря супруге проходил без особых сложностей. Как иностранец, пошел на курсы интеграции, которые, конечно, начались с изучения языка. Да, они были бесплатные, но его не устроило, что другие участники не проявляли должного рвения, нарушали дисциплину, ходили на курсы формально. «Я понял, что не смогу выучить язык в такой обстановке, и решил заниматься платно с репетитором. Выучил язык достаточно быстро, сдал экзамен, занялся поиском работы». Работает на ресепшене в гостинице. Думает продолжить учебу и получить востребованную специальность. Но позже. Жизнью доволен, привыкает к новой стране. Скучает ли по родине? «Конечно, но мир большой, могу поехать в отпуск, родные навещают меня в Стокгольме, общаемся по телефону и т.д.». Есть ли друзья? Да, общается чаще с русскоговорящими, в том числе из России¹.

Диаспоры в Финляндии

Финляндия долгое время была страной эмиграции. Страной назначения для финнов была Швеция, которая в середине XX в. переживала экономический подъем. С начала XXI в. Финляндия постепенно становится постиндустриальной страной, а также превращается в принимающую иммигрантов страну. Близость к России, многочисленные связи породили такой вид миграции, как приграничная миграция. Распространенными были бизнес-миграция, образовательная миграция, рекреационная, трудовая, миграция по линии воссоединения семей. Русские² являются одной из самых крупных диаспор в Финляндии, а русский язык – третьим по популярности в стране, особенно это касается юго-восточной и восточной Финляндии. Сегодня в связи с санкциями, введенными ЕС и Финляндией, приграничное сообщение приостановлено, и все научные и бизнес-проекты заморожены.

По сообщению финской государственной телерадиовещательной компании Yle³ со ссылкой на Статистический центр Финляндии, в стране проживает более 600 тыс. иноязычных жителей, большая часть из которых – русскоговорящие. За 10 лет (2014–2024) число людей, говорящих на русском, увеличилось более чем на 30 тысяч. На конец 2024 г. в Финляндии проживало 102 488 русскоязычных жителей.

Вторая по величине группа – эстоноговорящие, их численность составляет 49 564 человека. В то же время арабский язык уже догоняет эстонский по распространенности в Финляндии. По последним данным, в стране проживает 43 534 арабоязычных жителя. Число людей, говорящих на арабском, почти утроилось по сравнению с 2014 годом⁴.

Численность населения Финляндии на конец 2024 г. составляла 5 635 971 человек. За прошедший год население страны увеличилось более чем на 32 тыс. человек только за счет входящей миграции. Отчасти это объясняется и тем, что

1 ПМА. Стокгольм. 2019 г.

2 Под словом «русские» подразумеваются русскоговорящие: русские, белорусы, украинцы, татары, башкиры и другие выходцы из России и стран бывшего Советского Союза, общающиеся в основном на русском языке.

3 Количество иноязычных в Финляндии увеличилось в прошлом году – русскоязычных стало 102 000 // Yle. [Электронный ресурс]. URL: <https://yle.fi/a/74-20153865> (дата обращения 10.06.25).

4 Ibid.

в страну прибыли граждане Украины, для большинства из которых русский язык является родным.

Таким образом, показатель демографического роста в стране стал вторым по численности за последние 60 лет¹. Согласно данным Статистического центра Финляндии², на конец 2024 г. около 610 тыс. человек говорили на родном языке, отличном от финского, шведского или саамского. Число носителей иностранного языка увеличилось на 51 854 в течение 2024 года. Число носителей финского, шведского или саамского языков сократилось на 19 734. Доля носителей иностранного языка в общей численности населения на конец 2024 г. составляла 10,8%. Этот показатель увеличился почти на один процентный пункт по сравнению с 2023 годом. Несмотря на введенные санкции, число эмигрантов из России в Финляндию несильно сократилось. Сейчас это в основном иммиграция по линии воссоединения семей (см. *Таблицу 1*).

Таблица 1.

ЧИСЛО ЭМИГРИРОВАВШИХ ИЗ РОССИИ В ФИНЛЯндиЮ (2020–2023)
THE NUMBER OF EMIGRANTS FROM RUSSIA TO FINLAND (2020–2023)

Год	2020	2021	2022	2023
Число людей	2457	2724	6003	4307

Источник: составлено автором на основе данных Статистического управления Финляндии. “11w1 – Immigration and Emigration by Country of Departure or Arrival, Sex and Language, 1990-2023,” Tilastokeskus, 2025, accessed June 10, 2025, <https://tinyurl.com/552jju4w>.

Русские в Финляндии достаточно неоднородны, политизированы, разобщены, что мешает консолидации и решению общих проблем. Вместе с тем они достаточно хорошо интегрированы в общество страны проживания. Это происходит благодаря историческим связям, хорошему образованию и востребованности на рынке труда Финляндии³. По сравнению с диаспорами из стран Африки и Азии, у которых процесс интеграции затруднен и большинство из которых живут на пособие по безработице, русскоговорящие быстрее находят работу и лучше адаптируются. Однако последние менее консолидированы; община разобщена, в том числе по идеологическим или политическим соображениям; общение в основном происходит во время общих праздников и дат (Рождество, Дни рождения, Новый год, 8 марта, День Победы и т.д.).

Собеседница, 63 года, русская. Родом из Петрозаводска. «Переехали в 90-е годы по программе, т.к. бабушка моего мужа родилась на территории Финляндии. На родине работала учительницей начальных классов. В Финляндии не смогла найти работу по специальности, но работала по трудовому договору помощником учителя. Проблема в незнании языка в должной степени. Ходила на курсы интеграции, учила язык, говорю, но владею не в совершенстве. Конечно, работу свою люблю, но понимаю, что в Финляндии не смогу ее продолжить. Еще нужно учитывать предпенсионный возраст, это тоже причина, по которой не смогу работать. Общаюсь

1 Предшествующий демографический рост в Финляндии наблюдался в 1950–1960-е годы.
2 “Immigrants and Integration,” Statistics Finland, accessed June 10, 2025, https://stat.fi/tup/maahanmuutto/index_en.html.
3 Гаджимурадова 2022.

в основном с соотечественницами, которые, как и я, живут здесь. Есть несколько знакомых из местных, но друзей нет. Сын взрослый уже, имеет гражданство Финляндии, работает, есть у него финские товарищи, но больше русскоговорящих. Получаю пенсию, стараюсь чаще бывать в России»¹.

Те, кто приехал в страну в раннем возрасте или родился здесь, адаптируются быстрее, находят работу, создают семьи, воспитывают детей, но семьи стараются создавать с русскоязычными или со своими соотечественниками.

Собеседник, 35 лет, русский. Родом из Петрозаводска, учился в университете, не закончил учебу – разонравилась будущая профессия. Женат, двое детей. Жена – программист, работала в филиале финской компании в Карелии. Получила перевод в головной офис в Финляндии. Собеседник хоть и не имеет специального профессионального образования, хорошо разбирается в программировании и в IT. Переехали всей семьей в Финляндию. Нашел работу, приобрели дом в ипотеку, хватает знания английского языка, хотя уже немного понимает и говорит по-фински. Одна из причин переезда, как говорит собеседник, – это то, что его не устраивало качество продуктов на родине и многое другое².

Собеседница, около 35 лет, родом из Кондопоги. Переехала по причине того, что у сына обнаружилась непереносимость глютена, ему нужна была безглютеновая диета, таких продуктов в Кондопоге нет, ближе было переехать в Восточную Финляндию. Был небольшой бизнес на родине, муж остался, а она переехала. Пока были открыты границы, ездила домой несколько раз в месяц. Хоть и есть хорошее образование, устроилась на работу в клининговую компанию. Имеет вид на жительство, сын ходит в школу. Пока так, о далеком будущем не задумывалась³.

Можно сделать вывод о том, что миграционные процессы за многие годы стали важной составляющей отношений между двумя государствами. Это объясняется географической близостью, академической мобильностью, деловыми, дружескими и семейными связями.

Живя за границей, русские не утратили своей идентичности, но при этом не стали консолидированной и влиятельной диаспорой, которая могла бы лоббировать свои интересы в стране проживания. Тем не менее они играют заметную роль в социально-политической и экономической жизни Финляндии⁴. В конце июля в Финляндии состоялся автопробег в поддержку открытия границы с Россией, одним из организаторов которого выступил депутат городского совета Лаппеенранты И. Девяткин⁵.

Другие заметные диаспоры в Финляндии включают в себя выходцев из стран (прежде всего арабоязычных) Африки и Ближнего Востока. Одна из наиболее крупных групп – сомалийская диаспора (см. *Таблицу 2*).

1 ПМА. Йоэнсуу. 2022 г.

2 Ibid.

3 ПМА. Китеэ. 2022 г.

4 Например, мэром Хельсинки в апреле 2025 г. избран Д. Сазонов, который является выходцем из семьи ингерманландских репатриантов из Санкт-Петербурга. Родными считает русский и финский языки.

5 В Финляндии прошел автопробег за открытие границы с Россией // РИА Новости. 10 июня 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20250802/finljandija-2033027360.html> (дата обращения: 10.06.2025).

Таблица 2.

КРУПНЕЙШИЕ ИНОЯЗЫЧНЫЕ ГРУППЫ В ФИНЛЯНДИИ (2014–2024)
THE LARGEST FOREIGN-LANGUAGE GROUPS IN FINLAND (2014–2024)

Группы	Численность по годам	
	2014	2024
русские	69614	102487
эстонцы	46195	49563
арабы	14825	43534
украинцы	2436	38850
европейцы	16732	36971
сомалийцы	16721	26891
иранцы	8103	22154
китайцы	10110	19264
албанцы	8754	19072
курды	10731	17953
вьетнамцы	7532	16129
турки	6766	12964

Источник: составлено автором на основе данных статистического управления Финляндии. “Vieraskielisten määrä ylitti 600 000 henkilön rajan vuoden 2024 aikana,” Tilastokeskus, 2025, accessed June 10, 2025, <https://stat.fi/julkaisu/cm1jg8tr20lco07vwoif9s6i>.

Крупнейшими арабоязычными меньшинствами в Финляндии являются иракцы, сирийцы и марокканцы. Среди иракцев – коренные граждане, родившиеся в Финляндии, натурализованные граждане, родившиеся в Ираке, а также граждане Ирака, проживающие в Финляндии. По состоянию на 2024 г. в Финляндии проживало 30 346 человек с иракским происхождением¹. Из них 23 120 родились в Ираке, 7 226 – в Финляндии. Кроме того, 13 993 имели только иракское гражданство, 10 607 имели два гражданства, 5 746 имели только финское гражданство. Среди них есть курдское меньшинство.

По состоянию на 2024 г. в Финляндии проживало 9 408 человек, родившихся в Сирии. Число людей с сирийским гражданством составляло 7 629. Почти все они прибыли в Финляндию в качестве беженцев. Кто-то решил остаться, некоторые перебрались в другие европейские страны. В большинстве европейских стран они образовали диаспоры либо примкнули к тем, кто уже обосновался там. Процесс интеграции у старшего поколения проходил намного сложнее, чем у школьников и детей младшего возраста. Обосновавшиеся в стране неплохо говорят по-фински, учатся, в том числе в высших учебных заведениях, создали бизнес, преимущественно в сфере торговли. Практически все сохранили свою идентичность, воспитывают детей в своей культуре, в семье говорят на родном языке, что не мешает им быть лояльными стране пребывания.

Финляндию часто считают образцом государства всеобщего благосостояния, равенства, справедливости и успехов в сфере образования. Тем не менее

1 “Immigrants and Integration,” Statistics Finland, accessed June 10, 2025, https://stat.fi/tup/maahanmuutto/index_en.html.

большинство арабоязычных мигрантов не могут найти работу, сталкиваясь с дискриминационными практиками. Даже имеющие высшее образование вынуждены заниматься низкоквалифицированным трудом¹. Как показывает исследование Т. Курки², неравенство широко распространено в политике социального обеспечения, создающей и воссоздающей идеальный образ интеграции и интегрированных беженцев и иммигрантов. Несоответствие этим культурно обусловленным моделям может привести к санкциям, а также к обвинениям беженцев и иммигрантов в неспособности или нежелании интегрироваться в общество.

Заключение

Для стран с устоявшимися и интегрированными диаспорами важно, чтобы эти диаспоры действовали в рамках общей политики в отношении диаспор в странах-донорах и способствовали вовлечению диаспоры в процесс развития.

Учитывая влияние диаспор на социально-экономическое и политическое развитие как государств-реципиентов, так и государств-доноров, Глобальный фонд диаспоры Европейского союза (*EUDiF*)³ запланировал пять онлайн-консультаций для диаспор. Третья состоялась 29–30 сентября 2020 года⁴. В мероприятии приняли участие семь диаспорных организаций из четырех стран Северной Европы, представляющих страны разных регионов мира. В качестве основных целей консультации были заявлены обмен мнениями о возможностях и проблемах, связанных с вовлечением диаспор в процессы развития стран происхождения; достижение лучшего понимания профиля и динамики развития диаспорных организаций в Северной Европе; содействие установлению связей между ними.

Таким образом, деятельность диаспор не рассматривается вне государства. Они могут быть источником поддержки для своей исторической родины, например экономической или политической, но вместе с тем могут создавать напряженность и оказывать дестабилизирующее воздействие на страны-доноры и на страны-реципиенты.

Трудовые мигранты осуществляют денежные переводы, что положительно влияет на экономику стран-доноров; могут лоббировать интересы своей исторической и новой родины, способствовать улучшению их имиджа, участвовать в политических процессах, содействовать достижению взаимопонимания и развитию сотрудничества между странами. Они положительно влияют на демографическую динамику в странах-реципиентах, являются трудовым ресурсом для них, вносят вклад в социально-экономическое развитие страны проживания, обогащают местную культуру новыми формами и смыслами.

Наиболее активны диаспоры из стран Африки и Азии. Они ведут бизнес, сотрудничают с органами государственной власти, хорошо представлены на

1 Masoud et al. 2023.

2 Tuuli Kurki, "Immigrant-ness as (Mis)Fortune? Immigrantisation Through Integration Policies and Practices in Education," University of Helsinki, 2019, accessed June 8, 2025, <https://tinyurl.com/3hrak2b5>.

3 *EUDiF* – пилотный проект, финансируемый Генеральным директором Европейского союза по международному партнерству (*DG INTPA*) в рамках Инструмента сотрудничества в целях развития. Пилотная фаза проходила с июня 2019 г. по июнь 2024 г., вторая фаза началась в июне 2024 г. и должна завершиться в сентябре 2027 года. Проект реализуется Международным центром по развитию миграционной политики (ICMPD).

4 "Diaspora Consultation: Northern Europe," European Union Global Diaspora Facility, 29–30 September 2020, accessed June 10, 2025, <https://tinyurl.com/3xz65pw9>.

рынке труда, осуществляют помощь членам своей диаспоры, достаточно консолидированы, сохраняют родной язык, культуру и традиции.

Для принимающих государств важно налаживать связи между диаспорами, проживающими в них, независимо от вероисповедания, этнической или страновой принадлежности и культурных особенностей, интегрировать их в местное общество, искоренять дискриминацию на рынке труда. Иначе можно получить маленькие Могадишо, Карачи, Басру или Эрбиль, этническую преступность и прочие негативные явления внутри Швеции, Норвегии, Дании или Финляндии, что отрицательно скажется на социально-экономическом и политическом развитии последних.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Борисова, М.А. Диаспоризация мира как инструмент внешнеполитического влияния государств // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2023. № 2. С. 262–271.
- Borisova, Maria A. "Diasporization of the World as an Instrument of States' Foreign Policy." *Bulletin of the Tajik National University. Series of Economic and Social Sciences*, no. 2 (2023): 262–271 [In Russian].
- Бутенко, В.А. Трансформация политик интеграции иммигрантов в Скандинавии // *Via in tempore. История. Политология*. 2023. Т. 50. № 4. С. 1053–1060. <https://doi.org/10.52575/2687-0967-2023-50-4-1053-1060>.
- Butenko, Vladislav A. "Transformation of Immigrant Integration Policies in the Scandinavian Countries." *Via in tempore. History and political science* 50, no. 4 (2023): 1053–1060 [In Russian].
- Гаджимурадова, Г.И. Женская миграция из арабo-мусульманских стран в Европу: причины, современное состояние и перспективы // *Власть*. 2016. Т. 24. № 12. С. 147–149.
- Gadzhimuradova, Gylunara I. "Women's Migration from the Arab-Muslim Countries to Europe: Causes, Current Status and Prospects." *Vlast* 24, no. 12 (2016): 147–149 [In Russian].
- Гаджимурадова, Г.И. Миграционная политика стран Северной Европы в отношении иммигрантов из мусульманских стран (на примере Швеции и Финляндии) // *Исламоведение*. 2019. Т. 10. № 2. С. 5–21. <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2019-10-2-5-21>.
- Gadzhimuradova, Gylunara I. "Migration Policy of the Nordic Countries in Respect of Immigrants from Muslim Countries (For Example, Sweden and Finland)." *Islamovedenie* 10, no. 2 (2019): 5–21 [In Russian].
- Гаджимурадова, Г.И. Опыт интеграции специалистов-мигрантов в Финляндии и возможности его использования в России // *Научный результат. Социология и управление*. 2022. Т. 8. № 4. С. 117–125. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-4-1-0>.
- Gadzhimuradova, Gylunara I. "Experience of Integration of Specialists-migrants in Finland and the Possibility of Its Use in Russia." *Research Result. Sociology and Management* 8, no. 4 (2022): 117–125 [In Russian].
- Горохов, С.А., Агафшин, М.М., Дмитриев, Р.В. Сомалийцы в Швеции: региональное измерение // *Современная Европа*. 2020. № 7. С. 132–143. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72020150161>.
- Gorokhov, Stanislav A., Maksim M. Agafoshin, and Ruslan V. Dmitriev. "Somalis in Sweden: Regional Dimension." *Contemporary Europe*, no. 7 (2020): 132–143 [In Russian].
- Гришин, И.В. Интеграция иммигрантов в Швеции (социально-политический аспект) // *Южно-рос-сийский журнал социальных наук*. 2019. Т. 20. № 1. С. 40–56. <https://doi.org/10.31429/26190567-20-1-40-56>.
- Grishin, Igor' V. "Integration of Immigrants in Sweden (Socio-Political Aspect)." *South-Russian Journal of Social Sciences* 20, no. 1 (2019): 40–56 [In Russian].
- Лошкарёв, И.Д. Эволюция понятия «диаспора» в политической науке // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2017. № 4(106). С. 70–78.
- Loshkarev, Ivan D. "Evolyutsiya ponyatiya «diaspora» v politicheskoi nauke." *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*, no. 4(106) (2017): 70–78 [In Russian].
- Обидина, Ю.С. Концептуализация понятия «диаспора» в современных научных исследованиях // *Запад – Восток*. 2012. № 4–5. С. 5–18.
- Obidina, Yuliya S. "Konseptualizatsiya ponyatiya «diaspora» v sovremennykh nauchnykh issledovaniyakh." *Zapad – Vostok*, no. 4–5 (2012): 5–18 [In Russian].
- Плевако, Н.С. Шведская модель: прошлое и настоящее // *Северная Европа: проблемы истории*. Вып. 8. М.: Наука, 2015. С. 5–20.
- Plevako, Nataliya S. "Shvedskaya model': proshloe i nastoyashchee." In *Severnaya Evropa: problemy istorii*. Vyp. 8, 5–20. Moscow: Nauka, 2015 [In Russian].
- Сарабьев, А.В. Трудовые мигранты с арабского Востока в Швеции: изменение парадигм // *Балтийский регион*. 2021. Т. 13. № 4. С. 95–110. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-4-6>.
- Sarabiev, Alexey V. "Labour Migrants From the Middle East Arab Countries in Sweden: a Paradigm Shift." *Baltic Region* 13, no. 4 (2021): 95–110 [In Russian].
- Слуцкая, Л.В. Возможности и пределы влияния диаспор в современном мире // *Закономерности трансформации политических институтов в современном мире и в Республике Беларусь. Материалы круглого стола кафедры политологии и юридического факультета Белорусского государственного университета*. Минск, 2023. С. 95–98.
- Slutskaia, Lyudmila V. "Vozmozhnosti i predely vliyaniya diaspor v sovremennom mire." In *Zakonomernosti transformatsii politicheskikh institutov v sovremennom mire i v Respublike Belarus'.* Materialy kruglogo stola kafedry politologii i yuridicheskogo fakul'teta Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta, 95–98. Minsk, 2023 [In Russian].
- Шупенько, Т.И. Трансформация роли диаспор в современном мире // *Закономерности трансформации политических институтов в современном мире и в Республике Беларусь. Материалы круглого стола кафедры политологии и юридического факультета Белорусского государственного университета*. Минск, 2023. С. 111–114.

Shupen'ko, Tat'yana I. "Transformatsiya roli diaspor v sovremennom mire." In *Zakonomernosti transformatsii politicheskikh institutov v sovremennom mire i v Respublike Belarus'. Materialy kruglogo stola kafedry politologii yuridicheskogo fakul'teta Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta*, 111–114. Minsk, 2023 [In Russian].

Abdile, Mahdi. "The Somali Diaspora in Conflict and Peacebuilding: The Peace Initiative Programme." In *Diasporas, Development and Peacemaking in the Horn of Africa*, edited by Liisa Laakso, and Petri Hautaniemi, 77–97. London: Zed Books, 2014. <https://doi.org/10.5040/9781350219618.ch-004>.

Andersson, Mette, and Johan Fredrik Rye. "Gray Racialization of White Immigrants: The Polish Worker in Norway." *Nordic Journal of Migration Research* 13, no. 2 (2023): 5. <https://doi.org/10.33134/njmr.475>.

Hack-Polay, Dieu, Mahfuzur Rahman, and Matthijs Bal. "Beyond Cultural Instrumentality: Exploring the Concept of Total Diaspora Cultural Capital for Sustainability." *Sustainability* 15, no. 7 (2023): 6238. <https://doi.org/10.3390/su15076238>.

Handulle, Ayan. "Little Norway in Somalia—Understanding Complex Belongings of Transnational Somali Families." *Nordic Journal of Migration Research* 12, no. 1 (2022): 88–104. <https://doi.org/10.33134/njmr.371>.

Kamboureli, Smaro. "Diaspora." In *Oxford Research Encyclopedia of Literature*, edited by Smaro Kamboureli. Oxford University Press, 2020. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190201098.013.1119>.

Kefale, Asnake, Jan-Paul Brekke, and Grete Brochmann. "The Power Switch in Bilateral Return Migration Management: The Case of Norway and Ethiopia." *Journal of Ethnic and Migration Studies*, (2025): 1–20. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2025.2452263>.

Portes, Alejandro, and Patricia Fernández-Kelly, eds. *The State and the Grassroots: Immigrant Transnational Organizations in Four Continents*. New York: Berghahn Books, 2015.

Sugaipova, Maryam, and Julie Wilhelmsen. "The Chechen Post-War Diaspora in Norway and Their Visions of Legal Models." *Caucasus Survey* 9, no. 2 (2021): 140–58. <https://doi.org/10.1080/23761199.2021.1872242>.

Сведения об авторе

Гюльнара Ильясбековна Гаджимурадова,

к.филос.н., доцент, доцент, заведующий Кафедрой демографической и миграционной политики,
МГИМО МИД России

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН

107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, 12

e-mail: g.gadzhimuradova@my.mgimo.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 26 мая 2025.

Переработана: 23 июня 2025.

Принята к публикации: 26 июня 2025.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Гаджимурадова, Г.И. Проблемы и тенденции формирования диаспор в странах Северной Европы // Международная аналитика. 2025. Том 16 (2). С. 63–80.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-2-63-80>

Problems and Trends in the Formation of Diasporas in the Nordic Countries

ABSTRACT

Migration is of particular importance for the Nordic countries. It is heterogeneous and took place in different time periods, for different reasons. At first, it had the character of labor migration between the Nordic countries: from Denmark, Norway, and Finland, which were less developed in the early 20th century, to Sweden. Further, due to economic growth, labor was needed, which prompted these countries to look for migrant workers outside their countries. Thus, ethnic diasporas in the Nordic countries gradually began to form. Along with labor migration, the Nordic countries began actively accepting refugees from war-torn countries for humanitarian reasons.

At the same time, the reception of migrants was intended to solve the demographic issues of the Nordic countries. Still, due to the influx of migrants, there are problems with their integration.

Migration policies for the reception of migrants and refugees were designed to solve these and other tasks. Moreover, migration policies were tied to the national interests of the recipient countries: from a more liberal one in Sweden to a more pragmatic one in Denmark. The purpose of this study is to identify the structure of migration as well as to present the history and trends of the formation of diasporas in the Nordic countries. The article examines the phenomenon of the diaspora per se, the connections and influence of diasporas on the countries of origin, common and special in the migration policies of the Nordic countries, as well as approaches to the integration policy of Norway, Sweden and Finland, its pros and cons.

KEYWORDS

diaspora, migration policy, money transfers, demography, labor migration, immigration, integration

Author

Gyulnara I. Gadzhimuradova,

PhD (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Demographic and Migration Policy,
MGIMO University

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

12, Rozhdestvenka street, Moscow, Russia, 107031

e-mail: g.gadzhimuradova@my.mgimo.ru

Additional information

Received: May 26, 2025. Revised: June 23, 2025. Accepted: June 26, 2025.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Gadzhimuradova, Gyulnara I. "Problems and Trends in the Formation of Diasporas in the Nordic Countries." *Journal of International Analytics* 16, no. 2 (2025): 63–80.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-2-63-80>